

Мы часто сетуем на судьбу, а она подбрасывает нам порой поистине королевские подарки. Поездка в Дом творчества СТД «ПЛЕС» была вынужденной, внезапной, — и вдруг, перед самым отъездом, узнаю, что там работает съемочная группа с «Ленфильма»; режиссер Александр Беллинский и актеры, занятые в его новом фильме «Провинциальный бенефис», а среди них — Галина Вишневская. И вот я в Плесе, ищу повод для знакомства, мысленно перебираю все варианты — как и через кого быть ей представленной, — попутно отмечаю особую значительность и красоту лица стройной невысокой женщины. Вечером сама встречаю ее на набережной, и тут приходит озарение: да ведь это она, сама, вот так, запросто, идет по тихой провинциальной улице. Но ведь она же статная, величественная... Набравшись духу, подхожу с просьбой об интервью, в ответ — милая улыбка, доброжелательное согласие. И потом — двухчасовая беседа. Обе соглашаемся с тем, что в других условиях она бы не смогла уделить мне столько времени. Королевский подарок судьбы...

— Галина Павловна, мы встретились с вами в Плесе, старинном русском городе. Бывали вы здесь раньше, каковы ваши сегодняшние ощущения от этого города, вас, женщины, обехавшей весь мир?

— Город прекрасный, я здесь первый раз. Была в Ярославле, кажется, в 1972 году. Потом на пароходе плыла по Волге с оркестром из Горького — Нижнего Новгорода — с Ростроповичем, месяц путешествовали по волжским городам. Очарована природой. Как ни старалась советская власть, все испортили не смогла. Вчера была в Костроме. Центр сохранился в том виде, как был. Разительный контраст между тем, что было, и новостройками. Новостройки — ужасно и полное отсутствие фантазии. Один американец сказал об американских новостройках (а они не чета нашим!): когда наши потомки будут делать раскопки, они долго не смогут понять, кто жил в этих зданиях. В них жили рабы. Только раб может создавать такие постройки.

ют. У ребенка, который баллов меньше получил, слезы на глазах, он еле сдерживается, а его еще и утешают. Да дайте им просто игрушки! За участие. Я когда-то девочкой в самодеятельности получила отрыв в горошек и до сих пор помню то платье, которое мне бабушка из него шила.

— Многие помнят старый фильм «Без вины виноватые», с Аллой Тарасовой и Дружиным... А у Беллинского вы играете Кручинину.

— Тарасову я обожаю, помню все фильмы с ее участием — и «Без вины виноватые», и «Грозу», и «Петр Первый». Замечательная актриса и красивая женщина, из тех немногих, должна сказать, актрис, которым я поклоняюсь. Но наша Кручинина — другая. Она — певица. Она — другого внутреннего ощущения жизни, чем драматическая актриса. В те времена уходили в актрисы из благородных семей от несчастия, трагедии. А чтобы уйти в певицы, нужно перейти в другое со-

России. То, что испытывают родители, в уродливой форме переживают и дети. Их выделяют, через них пытаются сблизиться с родителями. Эти дети с детства боются, теряют уверенность в себе. Хотят во что бы то ни стало стать не хуже родителей. Замкнутый круг.

Мы на своих никогда не давили.

У меня пять внуков. Старшему, Ивану, 9 лет, Сергею — семь, Насте — 3, Александру — 2, Олегу — 9 месяцев. Я их люблю. Люблю, когда они меня бабушкой называют. На Западе это не принято. А мне нравится.

— Ваши внуки говорят по-русски?

— Все говорят по-русски. Дочери и я говорим с ними по-русски. Их отцы — один француз, другой итальянец — говорят с ними по-английски и по-французски.

— Вы их учите музыке?

— Постольку поскольку. Хватит уже музыкантов на одну семью.

— А вы пели им колыбельные песни?

— Пела. Им нравится. Настя пыталась подпевать. Я ей говорю: расти скорее, чтобы я успела с тобой познакомиться.

— Вы здесь чувствуете себя дома?

— Абсолютно. Я везде была такая, как я есть, всегда и везде буду такая — со своими взглядами на жизнь, со своим внутренним миром.

Конечно, когда я уезжала, я была уверена, что никогда не увижу больше Россию. То, как со мной поступили, было оскорблением, вызвало чувство ярости. Поэтому и тоска по Родине не было. Я в этой стране жила, как все жили, от государства ничего не получала, только от-

гаюсь на свой вкус. Сегодня это платье от Валентино, завтра — от Нины Риччи. Мне это все равно. Если вижу платье — и оно мне нравится — покупаю его. Люблю надевать то, чего ни у кого нет. Если вижу новую коллекцию моделей, не спешу срочно покупать эти вещи. Сейчас петербургские мастера шьют мне платья такие, каких ни у кого не будет. Я привезла хорошие ткани.

— Вы — одна из самых известных в мире женщин. Каково это — жить под бременем всемирной известности, настоящей славы?

— Я рано начала свою карьеру, в 17 лет. Но и до этого меня знали во дворе, в доме — Галочка-артистка. Для меня с детства почти естественное состояние — находиться под прицелом чьих-то глаз. И чем дальше — тем больше. Это прежде всего формирует внешнюю оболочку жизни — закрывает человека от посторонних глаз. Я закрывалась от людей, старалась, чтобы меньше чужих людей проникало в домашний круг. Редко писала письма — не любила и боялась. Не любила говорить, болтать по телефону. Боялась, что прослушают, прочитают, неверно истолкуют. Мне этого не хотелось. А моя персона многих интересовала по разным причинам. Друзей у меня — настоящих — было мало. За всю жизнь — два-три человека. И если они уходили, на их место не было замены, другого.

Ну а приятелей, знакомых у меня много.

— В вашей книге вы пишете о Римме — вашей помощнице, которая осталась в Москве. Какова ее судьба?

души? Собираетесь ли вы еще что-нибудь написать?

— Этой книги бы не было, если бы я знала хорошо языки. Я, конечно, могу болтать по-французски и по-английски, могу разговаривать с гостями, в магазине, но по-настоящему рассказать о своей жизни, о том, что пережила, — не могла. Мне не хватало слов. И в интервью всего не расскажешь. Каждая газета свои шкварки собирает. Мне очень хотелось, чтобы люди поняли, что происходило в нашей стране и почему только там это могло происходить. Мне хотелось объяснить нашу жизнь. Я писала книгу для них. В 1984 году она вышла на английском языке. Я рада, что я это сделала. Мне важно было, чтобы там понимали, что у нас происходит. Им хочется знать о нас. Я рассказывала им на доступных примерах, рассказывала о судьбах всем известных там людей. О Шостаковиче. На русском языке книга вышла в Париже в 1985 году. Она проникла в Россию, как и прочие книги. Но я, конечно, не предполагала, что она будет издана в России. Хотя знала, что ее будут в России читать, хотела, чтобы ее артисты прочитали. Сейчас идут переговоры о пятом переиздании этой книги в России. Весь гонорар за эту книгу стал основой моего фонда, который я открыла при Большом театре. Это благотворительный фонд для пенсионеров — солистов оперы и артистов хора. Я не подменяю собой государство — мы дополнительно выдаем деньги нуждающимся. Директор фонда — тенор, артист Большого театра Александр Архипов. Люди, которым я помогаю, работали со мной вместе, многие из них не имеют семей, не могли позволить себе детей — это очень сложно для артиста оперы. Я, по-моему, единственная солистка, у которой двое детей. А ведь и до сих пор некоторые артисты Большого театра живут в общежитиях, а уж о домработнице, которая сидела бы с детьми и помогала бы по хозяйству, не может быть и речи.

— Ваша жизнь строго расписана, или

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА — ЖЕНЩИНА ВДВОЙНЕ

— После стольких лет отсутствия вы не просто в России, а в самом ее сердце. Есть ощущение, что вернулись домой?

— Я знаю Петербург и Москву, там сейчас политические страсти бушуют, люди напряженные, агрессивные. Я надеялась, что попаду в провинциальную, другую жизнь, и не обманулась в своих ожиданиях.

Во многом, мне кажется, здесь лучше, чем в столицах. В Москве и Петербурге люди злые, все ругают. Здесь ко мне подошел довольно молодой человек с дочкой, узнал меня. Я его спросила: «У вас тут замечательно, красота нетронутая, а жизнь, наверное, тяжелая?» Думала услышать в ответ привычное: «Ужас!». А он ответил: «А вы знаете, лучше, чем было. Сейчас дорого, но можно продукты хорошие купить и без очереди». Раньше в провинциальных городах карточки были, я помню. Поэтому мне непонятна московская действительность по прошлому, хотя в Москве действительно жить было лучше.

Удивительно: здесь, в Плесе, много собак, но они не кусаются, не лают, не бросаются. Значит, их здесь не шпыняют, кормят.

— Вы обратили на это внимание... Любите собак?

— Обожаю. У меня дома три собаки. Две маленькие таксы и еще беспородный Джимми, которого моя Римма привезла из Москвы. Раньше был у меня ньюфаундленд. А теперь — маленькие собаки, которых можно взять с собой, если куда-то едешь. Кошек тоже люблю, восхищаюсь ими, но никогда не держала. Животные, которых держишь, определяют и характер человека.

— Вы здесь в новом качестве — драматической и киноактрисы. Это не считая работы в фильме «Катерина Измайлова». Там вы были прежде всего оперной актрисой. Как себя теперь ощущаете?

— Первую небольшую роль в кино сыграла еще в 70-е годы — Аделину Патти. Но там я в основном пела. Я счастлива неожиданному, непредвиденному подарку судьбы. Если бы я жила в России, я бы стала со временем актрисой драматического театра, постепенно перешла бы на драматическую сцену. (По крайней мере попробовала бы себя на драматической сцене.) Если бы в 1974 году не уехала из страны. За границей из-за языка такое было невозможно. И вот режиссер Беллинский позвал меня; я счастлива, что ему пришла в голову эта мысль.

Я — оперная певица; это другой мир, другая отдача актрисы, это театр, это ненормальное состояние человека. Пенсия начинается тогда, когда словами не можешь выразить чувства. В оперном театре температура на 1000° больше во всех отношениях — в любви, в горе, в трагедии. Драматический театр — совсем другой мир. Театр — это совсем не жизнь. Я не признаю, когда говорят: «Играйте, как в жизни». Кто играет в жизни — фальшивит. Театр — не жизнь. Он концентрирует состояние человека. Он над, под жизнью. Поэтому так мало хороших драматических актеров. «Сыграть, как в жизни, нетрудно, но это будет не актер. А настоящий актер должен предъявить свое искусство».

— А кто из драматических актеров вас больше привлекает?

— Я — олд фэшн вумен (old-fashion woman) — женщина старомодных, традиционных взглядов, старых привязанностей. Если мы говорим об Островском, то как можно забыть замечательный фильм «Бесприданница», Алисову и Кторову в нем! Вот это мой вкус, мое видение театра. Я придерживаюсь старого фасона в постановке спектаклей драматических и оперных. Не признаю, когда коречат классику. Например, одевают героев «Фауста» Гуно в современные костюмы. Композитор писал об определенных персонажах, видел их. А при современных костюмах исчезают все взаимоотношения персонажей, появляются фальшь. Если бы Гуно захотел написать что-то из области фантастики, он написал бы другую музыку. Это то же самое, что в «Пиковой даме» вывести Лизу в мини-юбке, а Германна в форме современного офицера.

У меня в Париже есть своя собственная антенна и я смотрю канал «Останкино». Недавно видела «Вишневого сада», где Раневская — наркоманка, алкоголичка. Зачем? Чехов был не дурее режиссера и, если бы захотел сделать из нее пьяницу, дал бы ей другой текст. Зачем режиссер так беззаконно влезает своей рукой в великое творение?

Смотрю передачи по каналу «Останкино» — и у меня возникает много вопросов. Я очень давно хочу обратиться к работникам телевидения, чтобы они научили, наконец, наших ведущих говорить молодежи «вы». Если ты не старый дед, обращайся ко молодым на «вы». В передаче «Утренняя звезда», кажется, молодой мужчина, ведущий, всем молодым девушкам (лет шестнадцати) говорит «ты». Она выступает перед аудиторией, а он ей — «ты». Ей бы ответить: «А как твои дела?». Так неприлично. Это что — недостаток культуры, или что это такое?

Или выходят дети пяти-шести лет. Идет конкурс, а судят их взрослые люди, солидные жюри, солидные баллы выставля-

Моск. Календаром. — 1993. — 23 окт. — с. 2

Галина ВИШНЕВСКАЯ:

— Хорошо быть богатой женщиной, но только деньги ничего в жизни не меняют

стояние. От несчастия не запоешь. (Сначала надо научиться петь.) Такая женщина должна быть сильной, знающей цену жизни. Такой она будет в нашем фильме. Беллинский хочет показать судьбу русских актеров. И в фильме замечательные актеры. Моя Кручинина — несколько инородное тело в этой компании. Но главное, что она — актриса, и это роднит ее с остальными.

— Кручинина — певица. Значит, вы будете петь в этом фильме?

— Да, я исполню романсы.

— А вам не жалко было оставлять оперную сцену?

— Я четыре года не пою. И 45 лет была на сцене. Я всегда выходила на сцену, чтобы быть счастливой. Если уходит счастье, и ты выходишь на сцену не для себя и публики, а только для публики, это уже просто профессия, мастерство. И публика это моментально чувствует. Слабей внутренняя струна, которая послала струлу в зал, струна, которая была, как тетива. Если нет желания во что бы то ни стало быть на сцене, надо уходить.

— Каковы ваши дальнейшие планы?

— В петербургском Театре имени Комиссаржевской планируется спектакль «Тройка, семерка, туз» по повести Пушкина «Пиковая дама» с музыкой Прокофьева. Ставить спектакль будет Александр Беллинский, а я сыграю Графиню. Надеюсь, что премьера состоится после Нового года. Это будет цикл из 15 спектаклей.

— Что было для вас главным в жизни — любовь, семья, искусство?

— Искусство и личную жизнь разделить невозможно. Без искусства я себя не мыслила, ничего другого у меня не было, никаких других интересов. Кто отвечает на этот вопрос однозначно — врет, или он несчастен в жизни.

— Вы — счастливая женщина?

— Да. Конечно, все бывало в жизни, но меня миновали настоящие несчастья. А мелочи не в счет. Я не говорю о своем детстве, о войне — это все я пережила, как все, вместе со страной.

давала. Квартира была кооперативная, дачу купила. Когда первый раз вернулась в Россию в 1990 году, я в Большой театр так и не вошла. Три раза стояла около — и не смогла. Когда сделали в Большом мой бюбле, я на него пришла с открытой душой. Я простила — и мне легче стало жить. Я очень счастлива, что так случилось. Обида мешала мне жить, душила. Я знаю, кто сделал мне это зло. Бог им судья. Я им простила. Это нужно было мне.

— А теперь вернемся к земному, бытовому. Я вас почти не вижу в столовой. Ограничиваете себя в еде?

— Очень жестко. Это необходимо, если ты актриса. Я всегда следила за собой. И если вдруг поправлялась на два килограмма, то понимала, что со сцены зрительно это не видно, но я это знаю — и это меня угнетало. И я не ела, голодала. Мне трудно. Я люблю жареную картошку, пироги с капустой, макароны. Я не гуриям, люблю простые вещи. Иногда вижу перед собой гору сагетти с маслом. Но я знаю, что не должна этого делать. Мой завтрак — крекер и чашка кофе, конечно, без сахара, на обед иногда — хуореч мяса. Овощи. Дома запрещено делать всякие соблазнительные вещи. Но когда мои едят, я просто не ем. Если иногда что-то себе позволяю, то потом два-три дня голодаю.

— А вы сами дома готовите?

— Там не надо столько заниматься хозяйством, сколько приходится нашей женщине, которая тратит на это не время — жизнь. Если б не было наших женщин, на чьих плечах все держится, не было бы ничего у нас. Русская женщина — особая женщина. Руссо donna — дуэ donna, — говорят итальянцы. Русская женщина — двойная женщина, а уж они в этом понимают. Нашу женщину немного похолодить, от сумок освободить, от магазинов. Моя дочь Ольга, которая живет в Америке, раз в две недели загружает морожеными продуктами огромный морозильник. А потом ей остается только бросить мясо на сковородку. Тогда женщина может за собой следить. Выглядеть хорошо.

— Какое место в вашей жизни — женщины и актрисы — занимает одежда? Какие модные фирмы, дома вы предпочитаете? Ваши взаимоотношения с модой?

— Я люблю одеваться. На сцене костюм для меня всегда был очень важен. Сама с художником работала, сама рисовала свои костюмы в Большом. На этом фильме у нас замечательный художник Наталья Васильева. Я очень довольна своими костюмами и потрясена умением работать мастериц с Ленфильма. За прошлые годы творят чудеса. Они просто не умеют плохо работать. Они художники по натуре. Все делают невероятно тщательно. В жизни я одеваюсь, как мне нравится. Не следую определенной моде, а пола-

— Она у меня в Париже. Я ее сразу завала с собой, но она боялась уехать, пока не заработает пенсию. И наконец несколько лет назад переехала ко мне. Мы можем поругаться, но живем вместе. Римма — мое приданое, часть моей жизни, она вырастила моих дочерей. Она преданный человек. Я знаю, если что-то случится, она ляжет на порог.

— Сейчас эпоха капитализации и коммерциализации. Деньги вошли на первый план. А как относитесь к деньгам вы, женщина не только по нашим меркам очень богатая?

— Хорошо быть богатой женщиной, но только деньги ничего в жизни не меняют. Мне не нужно бесконечно много. Мне нужна нормальная жизнь. Деньги дают возможность сделать жизнь хорошей, более интересной. И в то же время, я без всего этого могу жить. Мой внутренний мир это абсолютно не меняет. Деньги дают возможность путешествовать, не чувствовать себя привязанной к одному месту. Сейчас в Европе нет виз, и для меня Мадрид, Лондон, Париж — это не странно, это города, куда хочется поехать. Надо только купить билет и заказать гостиницу, где тебе всегда рады — ведь ты платишь деньги.

— А где вы жили сейчас в Петербурге?

— В гостинице «Европейская» — потрясающей. Там все — и служба новая, специально обученная — по высшему классу. И когда смотришь из окна гостиницы, кажется, что ты в настоящем Петербурге.

Петербург — уникальный город, такого больше нет в мире. Там необыкновенное небо, а какие просторы...

— А как вы отнеслись к переименованию города?

— Конечно, надо было переименовать. Хотя просто слово Ленинград мне нравилось, оно для меня было похоже на ватуку винограда, что-то зеленое и круглое катится по столу. Но называть надо было тогда не Санкт-Петербург, а Петроград. Я по Москве не скучала. Я в свое время уехала из Петербурга в Москву. А Москву как город я не приняла. Жила я в Москве у Центрального телеграфа. Ходила мимо МХАТа в Большой, в консерваторию и концертный зал имени Чайковского. Вот и все. Я Москву не люблю. Сейчас она ужасно грязная, запущенная. Ощущение распада в Москве. Петербург тоже выглядит не лучшим образом, сам город, как умирающий гигант. Денег на его восстановление нет, хотя Собчак многое делает.

— А как относитесь к Собчаку?

— Я люблю его и его жену. Считаю его умным человеком.

— У вас есть дом в Париже, в Америке, но вы так любите Петербург. Не хотели бы иметь свой дом и там?

— Да. Я думала об этом. Смотрела несколько квартир в Петербурге, хочу купить квартиру в моем любимом городе.

— А сохранилась ли ваша московская квартира, ваш с Ростроповичем дом?

— Тогда, почти двадцать лет назад, когда мы уехали, кое-что в нашем кооперативе уже был готов занять нашу квартиру, но я думаю, что спас Щелоков. Щелоков был нашим другом, его жена, Светлана Владимировна, моей подругой. Все, что я сегодня о нем читаю, — вранье. Я этому не верю. Я была у них в доме, ничего особенного там не видела, никаких полотен кисти Айвазовского. Я не верю тому, что о нем говорят. У Щелокова с Андроповым были ужасные отношения. И когда нас выставляли из страны, Светлана сказала тогда мне: «Это все голубые (т. е. КГБ) — фуражки с голубыми околышами» наделяли». Щелоков был другом Брежнева, а с Андроповым они друг друга ненавидели.

И Андропов первым на Щелокова отыгрался. Зная Светлану Владимировну, я не могу представить, чтобы она застрелилась. Думаю, мы еще узнаем правду обо всей этой истории.

— Семья Вишневская — Ростропович одна из немногих, где на ранних существуют две уникально одаренные личности, каждая из которых заняла свое место в искусстве. В чем причина прочности вашего союза?

— Мы уже 38 лет вместе. Мы не успели ссориться, надоесть друг другу. Часто мы расставались, разъезжались, подолгу не виделись. Я думаю, это очень трудно изо дня в день быть вместе, быть привязанными к одной квартире, а часто — и к одной комнате — как к одной камере, одному городу, одному месту. Трудно жить так, как живет большинство людей в нашей стране.

— Вы — автор автобиографической книги «Галина». Говорят, каждый человек может в своей жизни написать одну книгу — о себе. Чем была эта книга для вас — порыв

сейчас, когда вы оставили сцену, многое изменилось?

— Летом работы больше. Летом проходят основные музыкальные фестивали. Летом я веду свой мастер-класс. Я преподаю в Зальцбурге, в Филадельфии, в Ольборо в Англии, городе, где родился и умер Бриттен, — у меня там есть дом. Там 2—3 недели проходят фестивали и мой мастер-класс. Я умею хорошо это делать. Но я еще не готова к тому, чтобы в консерватории кропотливо заниматься с кем-то. Я еще внутренне не успокоилась. Слишком много могу сама и сразу этого от других требую. Надо, чтобы мудрость пришла. Я еще не пришла к этому. Я ставила на Западе спектакли «Царская невеста» и «Иоланта». Но я не режиссер, а солистка. Я не могу в артисте раствориться. У меня четкое видение роли, и я требую делать так, как сама вижу, а артист делает по-своему. Ставить спектакли — меня не влечет.

Зимой я меньше занята. Занимаюсь не каждый день, как раньше. Сейчас у меня привольная жизнь. Могу позволить себе много. Могу выкурить сигарету, выпить шампанского. Раньше это было сложно — от шампанского, от вина у меня сразу садится голос.

— Чем отличается положение знаменитой актрисы «у нас» и «у них»?

— Когда я стала жить на Западе, мне сначала почта не хватало. У нас платили гроши, но все время выделяли: машину к подъезду, орден на грудь...

А там никто тобой не распоряжается, но никто тебя не холит, не лелеет. Сначала не хватало того, что никто не вмешивается в твою судьбу: хочешь — пой, не хочешь — не пой. Ты одна со своим контрактом, и перед тобой открыт весь мир. Там все другое, нет места для интриг, болтовни, трепа. Каждый делает свое дело. Там больше возможностей, и каждый стремится использовать свой шанс.

— По традиции считается, что западный мир — это мир холодных расчетливых людей. А вот наши люди — душевные, добрые...

— Хотела бы я знать, кто, кроме меня, в свое время вступился за Ростроповича? Я не требовала героизма. Но прийти стихонку в дом и шепнуть о своем сочувствии — это не душевность. Не вижу продвижения в том, чтобы отдать последний рубль. Главное — не позавидовать тому, у кого больше. Мы, Россия, этим переболели. 70 лет сделали свое дело. Речь идет не о здоровье страны, а о том, чтобы ей, России, немного поправиться, встать и ходить.

Я считаю душевностью и добротой не то, что человек, ничего не имеющий, делится с бедняком. Душевность и доброта проявляются тогда, когда человек смотрит на своего преуспевающего соседа и не подносит ему красного петуха под дверь. Не должно быть одинаково все для всех. Все рождаются разными. А здесь привыкли к тому, что все равны. И от этого безумно трудно жить.

— Вы уверены, что жизнь стала другой, возврат к прежнему невозможен?

— Сейчас я думаю, что возврата к прошлому не будет. До этого были сомнения, а сейчас нет. Народ четко высказался. Надеюсь, у Ельцина хватит целеустремленности и силы, он выполнит свой долг перед народом. И народ выполнит свой долг — поддержит своего президента.

— А вы знакомы с Ельциным?

— Да. Нас познакомили с ним в Вашингтоне, где он был после августовского путча. Нас специально пригласили в посольство, чтобы познакомиться с ним. Он произвел на меня хорошее впечатление. С первого раза приняла его моя душа. В отличие от Горбачева, которого сразу моя душа не приняла. Для меня главное — первое впечатление, первая секунда. Я должна ее запомнить. Обычно моя женская, актерская интуиция меня не обманывает. Потом, в ходе знакомства, можно поддаться обольщению, но важно обязательно помнить первое впечатление от человека.

— Вы верите в судьбу?

— В судьбу? Что такое судьба? В жизни играет роль случай. Посредственности надо думать, как получить роль, сделать карьеру. Но без настоящих данных в искусстве нечего делать, без них — прозябание, интриги, нищета.

Я верю в работу. Надо поставить себе цель и этого добиваться. Молодые актеры меня спрашивают: «Как добиться успеха?» И я отвечаю: «Быть лучше других».

Беседу вела
Валентина ФЕДОРОВА.

Плес — Москва, 1993.